

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА

(В обработке Д. Д. Нагишкина. По мотивам нанайского фольклора)

Жили в одной деревне Чурка и Пигунайка. Чурка был парень тихий — больше молчал, чем говорил. А жена его Пигунайка больше языком работала, чем руками. Даже во сне говорила. Спит, спит, а потом бормотать начнет, да быстро-быстро: ничего не разберешь! Проснется от ее крика Чурка, толкает жену под бок:

— Эй, жена, ты это с кем разговариваешь?

Вскочит Пигунайка, глаза кулаком протрет:

— С умными людьми разговариваю.

— Да ведь это во сне, жена!

— А с умными людьми и во сне разговаривать приятно. Не с тобой же мне говорить! Ты в один год два слова скажешь, и то в тайге.

Три дела у Чурки было: зверя бить, рыбу ловить да трубку курить. Это он хорошо делал!.. Пойдет в тайгу зверя бить — пока друзья силком Чурку не выведут из тайги, все за зверем гоняет. Станет рыбу ловить — до того освирепеет, что сам в невод влезет, коли рыба нейдет. А уж курить Чурка станет — дым клубами валит, столбом к небу поднимается! Если Чурка дома курит — со всей деревни люди сбегутся: где пожар? Прибегут, а это Чурка на пороге сидит, трубку курит. А если в тайге дым валом валит, уж знают: это Чурка свою трубку в колено толщиной запалил! Сколько раз ошибались — лесной пожар за табачный дым из трубки Чурки принимали!

Три дела было и у Пигунайки: говорить, спать да сны разгадывать. Это она хорошо делала!.. Начнет говорить — всех заговорит, от нее соседки под нары прячутся. Только и спасение, что к Пигунайке глухую бабу Койныт посадить. Сидит та, головой кивает, будто соглашается... А уж если спать Пигунайка завалится — пока все сны не пересмотрит, никто ее не разбудит. Один раз соседские парни ее, спящую, в лес отнесли вместе с постелью; там проснулась она, оглянулась вокруг, видит — лес; сама себе говорит, подумав, что сон видит: «Вот дурная я! Что же это я сны сидя смотрю? Надо бы лечь». Легла да еще две недели проспала. Пришлось ее домой тем же парням тащить. Ну а сны Пигунайка начнет разгадывать — таких страхов наговорит, что бабы потом с нар ночью падают! Сбудется ли то, что Пигунайка говорит, — не знали, а уж после ее отгадок неделю мелкой дрожью дрожали. Никто лучше Пигунайки снов разгадывать не умел! Вот один раз проснулась она. Лежит, молчит, не говорит ничего. Посмотрел на жену Чурка, испугался: почему это молчит жена? Не случилось ли чего?

— Что ты, Пигунайка? — спрашивает он.

— Во сне красную ягоду видела, — говорит жена. — К ссоре...

— Что ты, жена, из-за чего нам ссориться?

— К ссоре это, — говорит Пигунайка. — Примета верная. Уж я ли сны разгадывать не умею!.. Помнишь, во сне оленуху видела, к бурану это — не сказала... Разве не стал после этого буран?

Молчит Чурка, говорить не хочет, что оленуху жена видела во сне тогда, когда уже снегом дверь завалило; не смогли они, проснувшись, дверь открыть да три дня с женой дома и просидели. Вот на третий день и увидела жена во сне оленуху.

— Что молчишь? — говорит Пигунайка. — Красная ягода к ссоре, уж я-то это хорошо знаю.

— Не буду я ссориться с тобой, Пигунайка, — бормочет Чурка.

А жена на него сердится:

— Как не будешь, если я сон такой видела!

— Да из-за чего?

— Уж ты найдешь из-за чего! Может, вспомнишь, как у нас рыба протухла, когда я на минутку прилегла...

— Да это верно, жена. Протухла рыба. Три дня ты тогда спала. Насилу разбудили, когда у нас нары загорелись оттого, что в очаге без присмотра остались...

— Ага! — говорит Пигунайка. — Так твоей жене уж и прилечь нельзя? Все бы за тобой ходить! Вот ты какой...

— Жена, — говорит Чурка, ну зачем это дело вспоминать? Ну, протухла рыба — и пускай. Я потом в два раза больше наловил.

— Ага, — говорит Пигунайка, — так ты меня еще и попрекаешь! Хочешь, чтобы я за тебя на рыбную ловлю ходила? Вижу я — хочешь ты со мной поссориться!

— Не хочу я, жена, ссориться, — говорит Чурка.

— Нет, хочешь! — говорит жена. — Уж если я красную ягоду во сне видела — быть ссоре!

— Не хочу я! — говорит Чурка.

— Нет, хочешь!

— Не хочу!

— А вот хочешь — по глазам вижу!

— Жена! — говорит Чурка, голос возвысив.

— А-а, так ты уж и кричать на меня начал? — говорит Пигунайка да как хватит мужа по лбу поварешкой!

Чурка смирный-смирный, а когда у него на лбу шишка величиной с кулак вылезла, тут он и в драку полез.

Сцепились они.

Кричит Пигунайка:

— Быть ссоре!

— Не быть!

— Нет, быть!

— Нет, не быть!

Шум подняли не хуже того бурана, когда Пигунайка оленуху во сне видела. Сбежались соседи со всей деревни. Мужики Чурку тащат, бабы за Пигунайку держатся. Тащили, тащили — никак не разнимут. Стали воду с реки таскать, стали мужа с женой той водой разливать.

— Э-э, жена, — говорит Чурка, — погоди! Видно, крыша у нас прохудилась: дождь идет!

Разняли их.

Сидит Чурка — шишки считает. Сидит Пигунайка — запухшие глаза руками раздирает.

— Что случилось? — спрашивают их соседи.

— Ничего, — говорит Пигунайка. — Просто я сон видела, будто красную ягоду рву. Верная это примета — к ссоре!

Кому, как не ей, знать: вот красную ягоду во сне увидела и поссорилась с мужем!

Сказки Сахалина / сост.: М. Высоков, О. Кузнецов, Т. Роон. - Южно-Сахалинск, 1996. – С. 84-87.